

Илья Колли

Три восточные поэмы

18+

Илья Колли

Три восточные поэмы

«Автор»

2026

Колли И.

Три восточные поэмы / И. Колли — «Автор», 2026

Ничто в этой книге не означает того, что в ней написано. Имена на самом деле это не люди, а понятия, понятия же — всего лишь термины, строки словаря. Однако термины не значат ничего без имен и стоящих за ними людей. Слова перепутаны с временами, картинки — всего лишь вещи. И как вы знаете, вещи — просто дым из трубки, выкуренной несколько тысяч лет назад...

© Колли И., 2026

© Автор, 2026

Илья Колли

Три восточные поэмы

Часть I.

БИТВА В ПУТИ

А.В.Тюрину

*Блаженны алчущие — ибо они насытятся,
блаженны ищущие — ибо они обрящут...
И.И.Христос*

I.

— Благополучие заказывали?
Получите!

...Я в дорогом валютном ресторане.
Вокруг хлюсты, дворцовый запах хани:
«Дюрсо» рекой и «Шантильи» река...
Увенчанная кольцами рука,
Как рубль, ощупывает тело дамы,
Небрежный столбик фирменного пепла
Роняя на элизиум шелков...
Но я один, и строгий взгляд косится
В созвездие Лакейских Галунов:
Швейцары, иностранцы, *лица*....
Деликатесы, женщины и птицы,
Порхающие в клетках по углам,
И по наборным павловским полам
Скользящие заморские девицы.
Улыбки, хохот, тосты друг за друга,
Заслуга крупная и пошлая услуга,
Едва заметно брошенный кивок —
Все будет в счет поставлено и плата
Твои надежды превзойдет стократно.
В углу темно. Глухой акселерат,
Из тех, что бродят в Сочи по вагонам,
Торгуя Сталиным, Высоцким и Ленноном,
Колдует над японским микрофоном,
Выкручивая восемьдесят ватт,
И длинный хиппи с челкою конкретной
Стучит рукой по пачке сигаретной,

Насилюя мелодию Сантаны.

А дым висит, густея постепенно,
И, оседая на подмостках сцены,
Мешается с подсветкою фонтана
Кипящими водами Ахерона...
Окно зеркальное до горизонта
Полно жратвы, вина и блудовства,
А дочь американского кутилы
С женой посла испанского так мило
Проходит за границы естества,
А здесь, в углу, успели перепиться,
А двое тех содрали с девки бант,
А там летит кривой официант
С мороженым под перцем и горчицей,
С вареньем к рыбе — кажется, севрюге,
И пятеро гурманов в узком круге
Готовят заговор с убийством поваров.
А сверху скука расправляет когти,
И дамочка в полураскрытой кофте,
Пошатываясь, бродит меж столов
И каждому для пущего веселья
Описывает качества постели,
В которой даром предлагает ночь.
И всякий тянется, и он не прочь!
И всякий хочет превзойти другого,
Которого он видит, как нагого —
Насквозь — и точно знает цену,
И знает, что за пачку ассигнаций
Готов нерукотворный гром оваций.
А жизнь кипит, разнузданно и странно, —
Вокруг торчат из сапогов «Монтаны»,
Как огурцы из глиняных горшков.
А свет темнеет. А костлявый хиппи
Уже заходится в предсмертном хрипе,
В рот затолкать пытаюсь микрофон.
И все напоминает пьяный сон —
В дыму кружатся каменные стены,
Шампунем лезет из бокалов пена,
Пружинистые джинсовые ноги
Отрезаны нахлопкой на зад, —
Официанты подают еду,
Как вносят имена в мартирологи,
И воздух давит, густ невыносимо,
И журавлями новой Хиросимы
Летят на сцену к лабухам хрусты...
Здесь можно все. И каждый заслужил —
Тем, как он жил, и тем, за что он жил.
...Раскормленные черепа пусты, —
Как рюмки: «Эй! вина еще, дружок!»
Кому-то хочется на потолок? —

— Месье, прошу, там комната и там
Паркет белен, а люстра — как фонтан,
Там стол и стул прибиты к потолку...
— Маэстро, милый! Ванну коньяку,
Подружка наша хочет освежиться!..
— Желаю господам повеселиться!..
А на столе с жульеном и кефиром
Уже в экстазе гнутся чьи-то спины,
Карминовые пьяные мужчины
Двоих собратьев помазуют жиром.
В углу, где дым, как облако ОВ,
Клянут Маккартни, курят фимиам,
Кружащий головы продажных дам,
Разносят Блока или чтут *мовэ* ,
Цитируют Набокова и Тэнна;
И с губ душеспасительная пена
Срывается на золото крестов,
Обрызганное спермой... Из-за штор —
Засушенные взгляды террористов
И болтунов с фруктовыми ножами.
И юноши с улыбками садистов
Над нежными девичьими губами
Ребром ладони гнут фаянс посуды.
...Хоть бы запахло серою откуда!..
Но мэтр'д'отель стыдливо хвост не прячет,
И над глазами, светлыми, как сдача,
Усталые не горбятся рога.

II.

А я, в дыму сложнейшие расчеты
гудящей совершая головой,
на множители с чувством разлагаю
меню, стремящееся в бесконечность
холодных и горячих цен... тяну
затасканный трояк полунедельный.
И вот на свежeweымытой тарелке,
украшенной романовским гербом
и вензелями по лепному краю,
передо мной две порции гарнира —
так, макароны из утильсырья,
издержки производства целлюлозы.
Но я счастливо улыбаюсь, деньги
протягиваю в пустоту пространства,
где медленно, как новое ученье,
овеществляется могучий бюст —
раскрашенный муляж официантки...
Из белого колосса выплывает,

так аристократически нежна,
рука, где призрачно сверкает мелочь
алмазными слезами подаянья.
Растроганный, униженно «спасибо»
я говорю. Я жалобную книгу
прошу, чтобы оформить благодарность
чеканкою признательной молитвы,
и вынув ручку, красные стигматы
на лист голубоватый заношу.
Но на вопрос об имени — в ответ
в пространстве растворяется колосс,
с египетскою схожий пирамидой,
побеленной услугами «Зари».
И только исчезающие губы
шепнули мне с насмешливой улыбкой,
чтоб я в графе «фамилия» проставил —
как псевдоним — незначащее слово:
— «жизнь»

III.

А между тем, вокруг кипела жизнь.
Какой-то пьяный, липкий, словно слизень,
Конечностями слабо шевелил
В предсмертной зелени мышьячной рвоты:
Как хороши, как свежи были шпроты!
Другой — богач, один из воротил,
Почти миллионер, такому в МУРе
Уже отлита пуля по фигуре —
Допился до сердечного припадка
И мудро сам покинул этот свет...
А мальчик, сын поэта и поэт,
Из полутени выглянул украдкой
И, отодрав парик, как шкуру с туши,
Швырнул в заморских поезжалых шлюшек
Обгрызенное люэсом лицо.
...Тот — раздавил на лысине яйцо
И, разорвав до пояса рубаху,
Вдруг вилкой сунул в декольте с размаху...
Там — драка. Губы давят каблуками,
И семеро кого-то — в пах ногами...
А из-за шторы — целятся с руки...
Повсюду милицейские свистки,
Дым, грохот, визги, пьяный рев,
А из угла — «...aussi, c'est pas Saint-Boeve!...»
Снуют меж опрокинутых столов
Белы, как херувимы, санитары
С носилками пустыми, словно с тарой.
На трупы не хватает простыней...

Я вижу руку с грузом перстений,
Что из-под грязной скатерти торчит,
С носилок стулья мертво задевая.
А там, еще жива, дрожит нагая
Подружка денег, секса, коньяка —
Ее живот, пропоротый слегка,
Стекает прямо по салфетке к паху...
Кого-то рвет — со смерти иль со страху...
А кто-то крестится — грешно и часто...
А смазанные жиром педерасты
Своей любви бесстыдно предаются
Над голым трупом лабуха с эстрады.
Свисают санитары с балюстрады
Над дверью, как летающие блюда,
Пытаясь оттащить самоубийцу
От входа в зал, где только не хватало
Его — с его запасом аммонала...

...И снова — лица, лица, лица...

Лица.

И я сижу на уцелевшем стуле,
жую полусырые макароны —
инбридинг сюртука и поролона.
А рядом затевают кровь и свары.
А мимо пролетают санитары.
А опергруппа грядет, словно кара.
А в воздухе кружится дым пожара.
А известь с потолка летит коварно.
И с проступившей росписи — *in caño*,
С распятия содранный, — глядит Христос,
Как окровавленный вопрос.

Но я сижу с тарелкой макаронной...
И дым пожарный тихо оседает,
и медленно пустеет ресторан:
вывозят трупы, пьяных разбирают,
да две старушки подметают пол,
залитый кровью, устланный деньгами...
Уже обломки мебели, посуда,
куски одежд, конечности, еда —
все убрано, и время подниматься.
И я уж собираюсь, но куда
остатки доедал я торопливо, —
заметил я за крайним из столов
какого-то мужчину с бородой,
в не по размеру старой телогрейке,
в заляпанном треухе на ушах,
и вылезших из-под стола ботинках —
широких, грузчицких и непотребных.

Пригнувши голову к столу,
он быстро добирал с тарелки —
романовской — холодную картошку...
И дальше — тоже за пустым столом —
уже доела скисшую капусту
девчонка, ну совсем еще подросток...
Да кто пустил ее сюда? в халате...
...Я с удивленьем замечал повсюду —
среди разгрома, дыма и зеркал —
то тут, то там сидящих одиноких
жевателей продуктов общепита,
слепым каким-то ветром занесенных
сюда, на юбилейное похмелье...
И вот уже доедено, спасибо,
мы поднимаемся и друг за другом
проходим мимо белого Хеопса,
и в законную рассвета брешь
нам машет узловатая рука.

...По переулкам, по дворам стоячим,
Не разбирая цели и дороги,
Мы бродим, как отторженная секта,
В себя глаза слепые устремив.
Врагов, друзей и близких не имея,
Не ищем алтаря или ночлега, —
Но говорим слова о назначенье.
И может быть, совсем еще не знаем,
Что Путь ведет нас в старую пивную,
Которая в подвале возле бани,
И там нас ждет —
...кабацкий
запах
хани:
«Тройной» рекой и водкою — река,
Запачканная грубая рука,
Как рубль, ощупывает тело бабы,
Вонючий серый пепел «Беломора»
На ситцевый роня сарафан...
Разносится угарный дух портвейна,
И Смерть, полупьяна, бредет рассеянно,
Похожа на египетского сфинкса,
Покрашенного фирмой «Заря»...

1982

Часть II.

ТАО ЧИ

(восточная поэма)

I. Пролог

II. Бэйцзин, 2187 г. днэ

III. Бэйцзин, 187 г.

IV. Бэйцзин, 1987 г.

V. Бэйцзин, нет года

VI.

VII. Эпилог

I. Пролог

Д.А.Пригову

Недаром имя Бао Дая
увековечено в веках.
Его создатель благодарный
недаром мот и демиург,
И нынче жизни Бао Дая
посвящены тома везде
и наш читатель умный, бодрый
читает их по всей стране.
Но вся нехватка полиграфии
людей ума и колбасы
на Бао Дая жизнеописание
рождает дикий дефицит.
И мы, желанием похвальным,
хотим до ваших до сердец
про кто не менее достоин,
крепя и уровень и мощь!

II. Бэйцзин, 2187 г. днэ

Он шел по темным улицам Бэйцзина,
не различая грохота династий,
что сыпались из порванной холстины
его заплечного мешка.
Еще кровавой битвы стон кровавый
висел над черепицей мостовых
и упивался недалекой славой
растоптанных вчера племен.
Еще в ночи молитвенные крики
зияли в жерлах храмовых дверей,
а он уже почти придумал книги,
которые напишут за него.
Еще драконы девочкам являлись
во сне и рвался материнский крик,
а в нем уже совсем не разбирались
общественность и УВД.

Уже оставлен пятками босыми
в веках бессмертный гусеничный след,
уже почти прослушивалось имя
в дрожании сухой листвы.
Он шел. Бэйцзин перетекал в Сычжоу,
в Чэньин — Ханькоу под его ступней,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.